

И. Н. КРУЧИНИНА

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ
СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

За последние годы в области изучения сложного предложения наметились весьма существенные изменения. Из преимущественного объекта традиционного, или классического, языкознания синтаксис сложного предложения все больше превращается в одну из центральных проблем всей современной лингвистики, интерес к которой со стороны представителей других научных направлений возрастает по мере того, как укрепляются тенденции к семантизации синтаксиса¹, с одной стороны, и к проникновению в закономерности формальной и семантической организации связанного текста² — с другой. В отечественном языкознании, как и в русистике вообще, действие этих тенденций способствовало тому, что при несомненном преобладании работ, осуществляющих структурно-семантический подход к описанию сложного предложения, в основе которого лежат широко известные взгляды В. А. Богородицкого, В. В. Виноградова и Н. С. Пospelова, стали выявляться и некоторые другие практически пока еще мало испробованные пути и методы изучения сложного предложения. Прежде всего это методы порождающей грамматики, представленные двумя типами работ.

Авторы первых исходят из понимания сложного предложения как поддающейся непосредственному наблюдению «поверхностной структуры» или «двухбазисного результирующего трансформ», получаемого путем известного преобразования и сложения (при сочинении) или инкорпорирования (при подчинении) двух исходных («ядерных», «базисных» или «глубинных») предложений, представленных как реально существующими образцами или схемами построения, так и искусственными структурами — лингвистическими конструктами. Для этих работ характерно совмещение генеративного подхода к сложному предложению с традиционными (прежде всего — структурно-семантическими) принципами его описания и классификации, которые не только ограничивают объем понятия «сложное предложение» лишь теми трансформами, ядра которых сохраняют преди

¹ Анализ этой тенденции см., например, в работах: E. Coseriu, *Semantik, innere Sprachform und Tiefenstruktur*, «Folia linguistica», IV, 1/2, 1970; P. Sgall, *Ze současné teoretické lingvistiky ve světě*, SaS, 1970, 2; Н. Савицкий, О некоторых методологических проблемах порождающей грамматики, «Ceskoslovenská rusistika», 1970, 4; Н. Д. Арутюнова, О номинативном аспекте предложения, ВЯ, 1971, 6; е е ж е, О номинативной и коммуникативной моделях предложения, ИАН ОЛЯ, 1972, 1.

² О работах, отражающих эту тенденцию, и об их отношении к исследованиям предшествующих лет см.: F. Daneš, *Туру tematických posloupností v textu*, SaS, 1968, 2. Интересные соображения о теории текста и о лингвистическом статусе данной дисциплины содержатся в ст.: Т. М. Николеева, Актуальное членение — категория грамматики текста, ВЯ, 1972, 2. См. также ряд конкретных исследований: К. Нанблас, *Über die Bedeutung sprachlicher Einheiten und Texte*, «Travaux linguistiques de Prague», 1966, 2; В. Палек, *Cross-reference. A study from hyper-syntax*, Praha, 1968; W. Dressler, *Modelle und Methoden des Textsyntax*, «Folia linguistica», IV, 1/2, 1970.

кативный характер (в отличие от конструкций со «скрытой» или «совмещенной» предикацией, глубинная структура которых тоже признается двухбазисной)³, но и предопределяют и корректируют выбор самих способов генерирования; ср. хотя бы установленное еще до начала процесса порождения разделение сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, а внутри последних — противопоставление одночленных (присловных) и двучленных (обстоятельственных) структур. На материале славянских языков такой подход осуществлен М. Кубиком и К. Поланским⁴; оба исследования в значительной степени стимулированы монографией В. Гартунга⁵.

В работах второго типа рассматриваются виды преобразований, претерпеваемых простыми предложениями в процессе их объединения в сложное предложение, которое понимается как трехчленная структура, состоящая из «главного» и «подчиненного» компонентов и союза (в том числе нулевого). Понятия «главного» и «подчиненного» компонентов предполагаются известными и распространяются также на части традиционного сложносочиненного предложения, где главным компонентом считается левый. Для каждого компонента устанавливаются наборы необходимых преобразований и выдвигается задача выявления их сочетаемости. Эта программа описания и классификации сложного предложения, впервые предложенная Е. В. Падучевой для целей машинного перевода⁶, в дальнейшем была осуществлена в «Курсе современного русского языка» под ред. Ф. Паппа⁷. Такой подход к изучению сложного предложения имеет много общего с тем направлением традиционного синтаксиса, которое восходит к идеям и взглядам М. Н. Петерсона.

Сильной стороной и полезным результатом подобных исследований является разработка формально-синтагматического аспекта сложного предложения, выявление и описание структурных изменений, которым подвергаются простые предложения в процессе их объединения в высшие синтаксические единства. Вместе с тем очевидно, что задача изучения сложного предложения не может быть ограничена лишь описанием «трансформационной истории» отдельных его типов. У этой единицы есть и другие аспекты изучения; в последнее время заметно активизировались те

³ Обычно это конструкции с субъектным и объектным инфинитивом, деепричастными и причастными оборотами, с однородными членами, приложением и некот. др. Сюда же могут быть отнесены и многие явления, описанные в «Грамматике» АН 1970 г. под рубриками «Детерминирующие члены предложения» и «Связи, возникающие в предложении», а также конструкции с существительными — синтаксическими дериватами. Интерпретацию некоторых из этих конструкций как сложных по своей глубинной структуре предложений см., например, в работах: R. Růžička, Zur Theorie der russischen Syntax, Berlin, 1966; Л. Н. Мурзин, Место сложных конструкций в процессе вычленения синтаксического ядра, в кн.: «Вопросы синтаксиса русского и славянского языкознания», Пермь, 1965; Е. Кржижкова, Темпорально-квантитативная детерминация глагола, «Československá rusistika», 1966, 2; е е ж е, К вопросу о так называемой аппозиции, «Travaux linguistiques de Prague», 3, 1968. См. также: S. Karolák, Zagadnienia składni ogólnej, Warszawa, 1972, где простое и сложное предложение рассматриваются как «корреляты одной и той же структуры содержания».

⁴ М. Кубик, Трансформационный синтаксис русского языка, Прага, 1970; К. Поланский, Składnia zdania złożonego w języku górnośląckim, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

⁵ W. Gartung, Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen, Berlin, 1964.

⁶ Е. В. Падучева, Классификация сложных предложений на основе их порождения из простых, «Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції», Чернівці, 1960; е е ж е, Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка, «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», М., 1961.

⁷ К. Боλλα, Э. Палл, Ф. Папп, Курс современного русского языка, Budapest, 1970.

из них, которые акцентируют ее вершинное положение в синтаксисе, ее одновременную обращенность и к грамматике языка, и к структуре текста, называемой иногда «гиперсинтаксисом».

Исследователи уже привлекали внимание к тому факту, что в ряде случаев соединения, которые принято относить к области сложного предложения, лишены необходимой структурной цельнооформленности и с этой точки зрения однородны сочетаниям предложений в тексте, которые также не интегрируются в единицу высшего качества⁸. Так, касаясь вопроса о перечислительных рядах предложений, С. О. Карцевский писал, что «между двумя членами, соседствующими в серии перечислений, нет никакого отношения», что «перечисление не принадлежит ни к области сочинения, ни к области бессоюзия, но противостоит им обоим сразу как структура с нулем непосредственного отношения между ее членами»⁹. К такому же заключению приходит и Т. В. Булыгина, которая рассматривает сочетания типа *Ночь, улица, фонарь, аптека* не как сложную единицу (сложный знак), а как простое соединение самостоятельных знаков¹⁰. Неравноценны — с точки зрения степени их приближения к области «гиперсинтаксиса» — и некоторые другие явления, относимые к сложному (и прежде всего сложносочиненному и бессоюзному) предложению.

Вопрос о границах между сложным предложением и текстом особенно обострился в последнее время в связи с актуализацией проблемы языковых уровней и попытками уточнения объема грамматики; сложное предложение в целом понимается то как промежуточная ступень между простым предложением и текстом, то как безусловная принадлежность текста, то как особый (самостоятельный) уровень грамматической системы языка¹¹. Вместе с тем существует мнение, согласно которому вопрос о языковом статусе сложного предложения не может быть решен одинаково по отношению к сложноподчиненному и к сложносочиненному предложению, ибо только «первое имеет характер грамматической единицы (и можно было бы рассматривать ярус сложноподчиненного предложения как „верхний“ ярус уровня предложения), в то время как второе имеет скорее структуру сверхсинтаксического текстового образования»¹². Нетрудно заметить, что в основе этих разногласий лежит многолетний спор о грамматической природе сложного предложения и его формантов, получивший,

⁸ Мысль о том, что предложение — это высшая и последняя единица языковой системы, высказывалась неоднократно; специальную разработку она получила в докладе Э. Бенвениста «Уровни лингвистического анализа» («Новое в лингвистике», 4, М., 1965); См. также: Т. В. Булыгина, О границах между сложной единицей и сочетанием единиц, в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969. Следует, впрочем, заметить, что эта точка зрения не является единственной; см., например: F. Daneš, On the linguistic Strata (Levels), в кн.: «Travaux linguistiques de Prague», 4, 1971. Существенно, однако, что и здесь высказывается сомнение в том, «можем ли мы рассматривать текстовые единицы как лингвистические знаки в том же смысле слова, что и низшие единицы» (стр. 139). Постулируя «грамматику текста» как особую лингвистическую дисциплину, Ф. Данеш в то же время признает, что структурные рамки выделяемых им «текстовых целых» гораздо менее фиксированы, чем рамки единиц низших уровней.

⁹ С. О. Карцевский, Бессоюзие и подчинение в русском языке, ВЯ, 1961, 2, стр. 126.

¹⁰ Т. В. Булыгина, Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования, в кн.: «Материалы конференции „Язык как знаковая система особого рода“», М., 1967. См. также: «Общее языкознание», М., 1971, стр. 140—170.

¹¹ Последняя точка зрения широко известна, о двух других см., например, в работе: P. Píthá, K vymezení rozsahu gramatik, SaS, 1967, 1.

¹² Ф. Данеш, К. Гаузенблас, Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств, в кн.: «Единицы разных уровней...», стр. 18.

однако, новый ракурс и предстоящий уже не только как полемика о том, являются ли части сложного предложения полноценными предложениями, но и как дискуссия, побуждающая к поискам критериев, ограничивающих сложную единицу («сложное предложение») от простой последовательности единиц («текст»).

Как известно, одним из доводов против включения текста в иерархию языковых уровней служит тот факт, что правила, которые лежат в основе его построения, носят преимущественно нормативно-стилистический, а не собственно грамматический характер. [Представляется, что это справедливо и для описанных Б. Палеком механизмов «кросс-референции» (отождествления) и «альтерации» (различения), а также для разных типов «тематических последовательностей» Ф. Данеша.] Следует, очевидно, согласиться с Т. В. Булыгиной, что «с точки зрения грамматики в тексте возможно сочетание любых логически не связанных предложений, лишь бы каждое из них в отдельности было грамматически правильным»¹³. Что касается сложного предложения, то повышенная значимость стилистических моментов в его организации представляется совершенно бесспорной. Теоретически это хорошо согласуется с общей закономерностью, сформулированной Ф. Данешем: «... чем выше уровень языковой структуры, тем он стилистически релевантнее»¹⁴. Известно также мнение В. Матезиуса, полагавшего, что через построение сложного предложения лежит путь к совершенному стилю¹⁵. Возможно, этим и следует объяснять преимущественное внимание исследователей к тем конструкциям сложного предложения, которые вслед за М. В. Федоровой¹⁶ могут быть названы его «синтаксическими доминантами». Это значит, что изучению, описанию и классификации подвергаются в первую очередь сложные предложения, отвечающие нормам книжно-письменной речи и удовлетворяющие требованиям литературной выразительности.

Для теории сложного предложения такая ориентация на «доминанту» может иметь ряд неблагоприятных последствий; прежде всего она может повлечь за собой интерпретацию каких-либо стилистических (узуальных) ограничений как ограничений грамматического характера. Известно, например, какое значение при выведении «формулы» или «модели» построения сложного предложения придается правилам порядка частей, устанавливающим диапазоны позиционных возможностей придаточных предложений. Однако в ряде случаев эти правила являются лишь отражением привычного литературного узуса и с грамматической точки зрения не являются обязательными; ср., например, препозицию придаточного причины с союзом *потому что*, которая запрещена только нормой книжно-письменной речи: «А незнакомец тем временем отбежал довольно далеко. Умка пустился вдогонку. *И потому что он бежал на четырех лапах, скоро снова приблизился к двуногому*» (Ю. Яковлев, Умка). Таков, же, видимо, характер некоторых запретов, налагаемых на сочетаемость придаточности с местоименными и другими формами вопроса, который может быть не только риторическим по функции, ср.: «Но он никак не решался. *Потому что — а друг скажут?*» (Ю. Трифонов, Долгое прощание). Еще очевиднее неграмматический характер ограничений, касающихся употребления номинативных, инфинитивных и вообще неглагольных предложений

¹³ Т. В. Булыгина, О границах между сложной единицей и сочетанием единиц, стр. 225.

¹⁴ F. Daněš, *Typy tematických posloupností ...*, стр. 126.

¹⁵ В. Матезиус, Язык и стиль, в кн.: «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 515 и сл.

¹⁶ М. В. Федорова, Простое предложение как основа для изучения сложного предложения, «Уч. зап. МОПИ», 197, 13, 1967.

в качестве компонентов сложного¹⁷, а также ограничений, сопровождающих описание сочинительной связи предложений (например, правил синтаксического параллелизма, неповторения общих членов, прономинализации и др.). Выявление сверхсинтаксических (текстовых) характеристик сложного предложения составляет одну из важных предпосылок к решению вопроса о его системном языковом статусе¹⁸. Понятно, что чем больше подобных характеристик обнаруживает та или иная разновидность сложного предложения, тем больше оснований для ее интерпретации как сверхсинтаксического образования.

Основу для сопоставления сложного предложения с текстовыми последовательностями разного типа составляет тот факт, что, как и последние, оно строится на базе связей, выходящих за пределы отдельного предложения и называемых иногда его «внешними» синтагматическими связями. Однако в отличие от связей, устанавливаемых в простой последовательности предложений, эти связи имеют грамматически выраженный характер, т. е. обслуживаются определенными структурными средствами. Благодаря этим связям между предложениями складывается тот или иной тип синтаксических отношений, которые могут быть названы грамматическим значением сложного предложения. Естественно полагать, что именно наличие грамматического значения и обеспечивает ему статус грамматической единицы.

Однако при определении реального круга явлений, принадлежащих к области сложного предложения, этот факт, как правило, не принимается во внимание. Решающее значение придается интонационной стороне сложного предложения, характеризующейся ритмо-мелодической несамостоятельностью его компонентов. Но при таком подходе граница между сложным предложением и текстом фактически перестает существовать, так как, не будучи собственно грамматическим средством, интонация сама по себе, без опоры на определенные структурные показатели, не способна создавать и выражать синтаксических отношений; ср., например, следующие последовательности предложений, приведенных в связь лишь «соединительной силой» интонации (которая практически беспредельна): «Мы поехали мимо пруда: на грязных и отлогих берегах еще виднелись ледяные закрайки» (Аксаков); «Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь» (Тургенев). Хотя большинство исследователей и признает, что отношения, складывающиеся внутри таких последовательностей, подлежат интерпретации с позиций не «формального», а «лексического», или «имплицитного», синтаксиса¹⁹, тем не менее сами эти последователь-

¹⁷ Особенно строго регламентируется употребление номинативных предложений в функции придаточных. Утверждается даже, что такое употребление «противоречит их специфике» (см.: Ф. К. Бу же н и к, Номинативные предложения в составе сложных конструкций, «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 144, 1958, стр. 83). Ср., однако, несколько далеко не уникальных примеров из разных сфер речи — разговорной: «Шубы я не взял, *потому что обуза*» (Л. Н. Толстой — из письма к жене, 7 дек. 1884); публицистической: «... в этом своем поступке я перед историей *отвечу, так как, черт возьми, такая дата!*» (Вс. М е й р х о л ь д, Из выступления 1939 г.); художественно-повествовательной: «Казахов уговорили переселиться в домик: как-то чудно, *чтобы на центральной усадьбе — юрта*» (В. С о л о у х и н, На степной реке); стихотворно-поэтической: «*Когда сентябрь*, тепло и воздух хлипок./ и все бегут с учений и работ./ Нас озаряет золото улыбок/ у станции метро „Аэропорт“» (Б. А х м а д у л и н а, Сперва дитя явилось из потемок небытия ...). Впрочем аналогичные материалы приводятся и в названной работе.

¹⁸ См.: Н. Ю. Ш в е д о в а, О структурной схеме сложного предложения, сб. «Единицы разных уровней...».

¹⁹ О формальном и имплицитном синтаксисе и различиях между ними см.: V. S k a l i č k a, Über die besonderen Formen der Syntax, «Rusko-české studie», II, 1960; е г о же, Syntax promluvy (enunciace), SaS, 1966, 4. См. также разграничение синтаксиче-

ности продолжают рассматриваться в рамках сложного предложения, что несовместимо с пониманием его как грамматической единицы. С другой стороны, установка на обязательную интонационную «цельнооформленность» сложных предложений вынуждает исследователей не считать таковыми соединения, которые хотя и содержат грамматические показатели связанности своих компонентов, неоднородны по целеустановке или разделены паузой. Подобные соединения — не всегда, правда, последовательно — выносятся в область сложных синтаксических целых, т. е. трактуются как своего рода текстовые аналоги сложных предложений.

Представление об интонации как о главном дифференцирующем признаке сложного предложения складывалось одновременно с формированием взгляда на сложное предложение как на одно предложение, в некотором отношении вполне тождественное простому. Этот взгляд теоретически противопоставлялся пониманию сложного предложения как соединения или сцепления нескольких предложений, которое в отечественном языкознании опиралось на известные положения Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и особенно А. М. Пешковского, концепция которого подверглась специальному обсуждению. Именно в ходе этого обсуждения основу внутреннего единства сложного предложения как одного предложения и стали усматривать в его интонационной и смысловой завершенности, т. е. в тех сопутствующих («побочных») признаках, которые А. М. Пешковский сознательно оставлял вне поля зрения, сосредоточив все свое внимание на г р а м м а т и ч е с к о м сопоставлении простого и сложного предложения с точки зрения представленной в них «структуры отношений»²⁰. Вместе с тем привлечение интонационных и смысловых критериев подготовило почву для дальнейшей интерпретации сложного предложения как единицы дуалистической по самой своей природе, которая со стороны формы предстает как сочетание предложений, а со стороны функции — как одно предложение.

Это последнее, компромиссное, решение, получившее широкое признание и принятое в «Грамматике» 1970 г., представляется наименее убедительным, так как оно исходит из глубокого, по существу, полного разрыва между структурой грамматической единицы и ее употреблением, хотя известна системная предопределенность, взаимосвязь и соотносительность этих двух сторон. Оценивая одну из первых попыток в направлении такого разрешения дискуссии (А. А. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, 1948), Н. С. Поспелов с неудовлетворением констатировал, что в результате «понятие „предложение“ раздваивается в своем значении»²¹. В последнее время с критикой этой концепции выступил Л. Ю. Максимов, отстаивающий понимание сложного предложения как одного — и по назначению, и по структуре — предложения²². Однако его аргументацию в защиту своей точки зрения нельзя признать вполне доказательной, поскольку она сама базируется в основном на гипотезе о связующей функции видо-временных и модальных соотношений между частями сложного предложения (см. его замечания о «специфической парадигмати-

ских и несинтаксических сложных предложений в кн.: K. S v o b o d a, *Souvětí spisovné češtiny*, Praha, 1970.

²⁰ См. соответствующие тезисы А. М. Пешковского, а также развернутое изложение его точки зрения (с дополнительной аргументацией в ее пользу) в кн.: А. М. М у х и н, *Структура предложений и их модели*, М., 1968.

²¹ Н. С. П о с п е л о в, *О грамматической природе сложного предложения*, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка», М., 1950, стр. 321.

²² Л. Ю. М а к с и м о в, *Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц*, в кн.: «Мысли о современном русском языке», М., 1969; е г о ж е. *Многомерная классификация сложноподчиненных предложений*. Автореф. докт. диссерт., М., 1971.

ке сложного предложения»). Известно, что многолетние и напряженные попытки обосновать грамматическую значимость таких соотношений пока не дали желаемых результатов²³, более того — за последние годы стали появляться работы, вообще рассматривающие эти соотношения как проблему не «формального», а «семантического» синтаксиса²⁴. На связь данного признака с содержательной стороной сложного предложения неоднократно обращала внимание В. А. Белошапкова²⁵, подчеркнувшая также его причастность к организации текстовых последовательностей²⁶. Тенденцию к полному или частичному²⁷ исключению модальных и видо-временных соотношений из числа специфических признаков сложного предложения нельзя не расценивать как известный отход от того весьма широкого понимания формы сложного предложения, которое сложилось к настоящему времени²⁸.

Вместе с тем этот отход можно усмотреть и в возрождении некоторых далеко не периферийных идей «логического» и «формального» направлений в изучении сложного предложения. Прежде всего оно проявляется в том, что все большее распространение и признание получает общая трактовка сложных предложений как сугубо синтагматических единиц (фразовых синтагм), составляющие которых являются предложениями в п о л н о м с м ы с л е с л о в а²⁹. В то же время для уяснения способов образования таких синтагм, их устройства и типологии все большее теоретическое значение приобретает сложившееся в рамках «формального» направления противопоставление так называемых одночленных и двучленных (у А. А. Шахматова — «односоставных» и «двусоставных») конструкций. Цель этого противопоставления заключалась в том, чтобы из общей массы «сложных целых» выделить такие сочетания предложений, в которых, по замечанию А. М. Пешковского, «подчинение явно преобладает над сочинением»³⁰ и которые парадигматически, т. е. с точки зрения реализующейся в них «структуры отношений», являются, однако, о д н и м пред-ложением. Иначе говоря, речь идет о конструкциях, в которых одно предложение выступает как элемент структуры другого предложения. Характерная асимметричность этих конструкций, которые в одном отношении (линейно-синтагматически) оказываются сложными, а в другом (парадигматически) — простыми, побуждает исследователей квалифицировать их то как простые³¹, то как квази-сложные³², то как сложные предложения в узком и строгом смысле этого слова³³.

²³ На неясность («недостаточную изученность») этого явления с точки зрения его релевантности для структуры сложного предложения прямо указывается в работе: М. К у б и к, Условные конструкции и система сложного предложения, Прага, 1967.

²⁴ К. Б о л л а и др., указ. соч.

²⁵ В наиболее четкой форме эта мысль изложена в «Грамматике» 1970 г., стр. 653.

²⁶ В. А. Б е л о ш а п к о в а, Сложное предложение в современном русском языке, М., 1967, стр. 20; см. также: Г. В. В а л и м о в а, О сочинительных союзах в сложном предложении, в кн.: «Материалы IX и X конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка», Ростов-н/Д, 1971, стр. 87.

²⁷ М. К у б и к, Условные конструкции...

²⁸ См., например: В. А. Б е л о ш а п к о в а, О понятии «формула сложного предложения» на уровне синтаксиса сложного предложения, в кн.: «Единицы разных уровней...».

²⁹ См., например, определение сложного предложения в работе: Б. М. Г а с п а р о в, Проблемы функционального описания предложения. Автореф. докт. диссерт., Минск, 1971, стр. 35.

³⁰ М. А. П е ш к о в с к и й, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 407.

³¹ См., например: L. D' u g o v i č, Obsahové vedl'ajšie vety, Jazykovedné štúdie, IV, Brno, 1959.

³² Н. С. П о с п е л о в, Сложное предложение и его структурные типы, ВЯ, 1959, 2.

³³ А. М. П е ш к о в с к и й, указ. соч.

Разнонаправленность функциональных связей, присущих одночленным и двучленным конструкциям, близость первых из них к простому предложению³⁴, а вторых — к элементарным текстовым последовательностям проявляется весьма многообразно. Так, если обратиться к области словопорядкового оформления этих конструкций, которая как будто еще не привлекалась для иллюстрации различий между ними, то можно обнаружить, по меньшей мере, следующее. В то время как одночленные конструкции способны реализовать такие принципы актуального членения высказывания, которые полностью уподобляют их простым предложениям (*Я выжила боюсь когда они играют, О тебе нет минуты чтобы я не думала, Письмо ты хорошо сделала что отослала* и т. п.)³⁵, актуализация двучленных конструкций не дает подобного результата, поскольку охватывает не все сложное предложение в целом, а каждый его компонент в отдельности. Иными словами, актуализация не играет здесь никакой синтезирующей роли. Скорее наоборот: когда в сферу ее действия попадают союзы (что случается очень часто), их связующая функция значительно ослабляется, и сложное предложение начинает граничить с бессоюзным соединением предложений; ср., например: «[Федя]... но на моем месте, если ты, милая, чуткая девочка, была бы, как ни странно это сказать, — на моем месте, — ты бы наверное сделала то, что я» (Л. Толстой, Живой труп, II, 2); «Россия, я твой капиллярный сосудик. Мне больно когда, тебе больно, Россия» (А. Вознесенский, Лонжюмо)³⁶.

Говоря о ретроспективных тенденциях в современной теории сложного предложения, нельзя не коснуться вопросов классификации, которая в славянской лингвистической традиции остается главным инструментом его изучения и описания³⁷. Здесь прежде всего обращают на себя внимание два момента из области изучения подчинения предложений: повышение интереса к синтаксическому поведению (дистрибуции) придаточных и попытки создать (иногда на совершенно новой основе — с учетом единства функции, значения и формы)³⁸ их полную типологию, хотя известно, что с некоторых пор сама постановка такой задачи считается в принципе неприемлемой. Что касается традиционного языкознания, то здесь указанная тенденция выступает как некая альтернатива структурно-семантическому подходу к сложному предложению, само формирование которого шло под знаком негативного отношения к функциональной

³⁴ См. ряд конкретных исследований на данную тему: Ю. И. Ледеев, О случаях сближения простого и сложного предложения, в кн.: «Вопросы изучения русского языка», Ростов-н/Д, 1962; Т. Е. Гильченок, Употребление предложения в функции сказуемого, в кн.: «Вопросы изучения русского языка», Ростов-н/Д, 1964; Е. А. Иванчикова, О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе, ВЯ, 1965, 5; И. Н. Кручина, Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. Канд. диссерт., М., 1968; А. Н. Стеценко, Предложения с предикативными единицами в функции членов предложения, РЯШ, 1970, 1; Г. П. Уханов, Двусоставные конструкции с придаточным во второй части, в кн.: «Мысли о современном русском языке», М., 1969.

³⁵ Подробнее об этой аналогии в связи с историей литературного языка см.: И. Н. Кручина, Об одном способе линейной организации сложного предложения, сб. «Синтаксис и норма» (в печати). Богатые материалы из живой современной речи приводятся в работе: Е. А. Земская, Русская разговорная речь, ВЯ, 1971, 5.

³⁶ Из последних работ на эту тему см.: Л. П. Даниленко, Сложные предложения с союзом внутри придаточного, «Вестник ЛГУ», 1971, 2.

³⁷ Попытку объяснить этот факт спецификой самой синтаксической системы языка предпринял Я. Бауэр; см. его ответы в сб. «Zeichen und System der Sprache», I, Berlin, 1961, стр. 38.

³⁸ Я. Бауэр, Проблема классификации придаточных предложений в славянских языках, «Actes du Xe Congrès international des linguistes», Bucarest, 1970. См. также: Г. П. Уханов, О грамматической природе придаточного предложения. Автореф. докт. диссерт., М., 1970.

стороне изучаемых явлений. Отказавшись от первоначальной классификации сложных предложений по признаку их функциональной общности, который был признан «внешним», «случайным» и «искусственным», сторонники этого подхода выдвинули требование структурного единства классов. Однако его практическое осуществление, особенно в области одночленных конструкций, оказалось во многом затруднительным. Так, все типологии, исходящие из этого требования, обязательно содержат четыре класса конструкций: 1) местоименно-соотносительный, 2) изъяснительный, 3) присубстантивный и 4) прикомпаративный, однако реальный состав этих классов (точнее, первых двух, образующих ядро данной классификации) оказывается у разных исследователей далеко не одинаковым.

Основные разногласия концентрируются вокруг вопросов, связанных с определением границ местоименно-соотносительного типа. В соответствии с требованием структурного, а не функционального единства данного класса, в его состав включаются не только конструкции типа *Кто...*, *тот...*, но и большой массив изъяснительных предложений, все обстоятельственные, построенные по формуле *t/k* (в том числе и с составными союзами: *потому, что; для того, чтобы* и др.), специфические уступительные конструкции типа *где бы ни.. всюду, когда бы ни.. всегда*, местоименно-союзные соединения типа *так красиво, что...*, *такой большой, (что) как будто...* и др. под. Такое расширение границ класса вообще вряд ли целесообразно. В то же время нельзя не заметить, что само структурное единство столь разнородных конструкций обеспечивается таким признаком (прикрепленность придаточного к местоименному корреляту), конструктивная роль которого совершенно минимальна. За исключением местоименно-союзных конструкций, в которых отсутствие соотносительного слова нормально только в условиях определенной семантической компенсации, и небольшой группы сугубо книжных оборотов с изъяснительным значением (*начать с того, что...*; *заклучаться в том, что...*; *кончиться тем, что...* и под.), употребление местоименного коррелята **п р и н ц и п и а л ь н о н е о б я з а т е л ь н о**. Это обстоятельство в значительной степени «реабилитирует» функциональный подход к соответствующим конструкциям, одни из которых все чаще начинают распределяться по другим типам, а другие — выделяться в особую сугубо функциональную группу так называемой «фразовой номинации».

Выдвижению проблемы «придаточности» в круг центральных проблем синтаксиса сложного предложения, несомненно, способствовали и попытки его описания методами генеративной грамматики³⁹, и возросший интерес к семантике, который, обострив внимание к вопросам синтаксической (пропозитивной) номинации, актуализировал даже элементы теории сокращения придаточных⁴⁰. Однако последние направления в изучении сложного предложения, в большей мере затрагивающие область его семантической, нежели собственно грамматической, структуры, требуют специального рассмотрения, поскольку складывающаяся здесь проблематика имеет самостоятельное значение, выходящее за рамки непосредственных интересов традиционного описательного синтаксиса.

³⁹ На неизбежность использования функциональных понятий при генеративном подходе к сложному предложению обратил внимание, в частности, Р. Зимек в рецензии на книгу М. Кубика «Трансформационный синтаксис русского языка» («Ceskoslovenská rusistika», 1971, 1).

⁴⁰ См., например: Н. Д. А р у т ю н о в а, О номинативном аспекте предложения, стр. 71—72; W. G a r t u n g, указ. соч., стр. 12.